

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> УДК 94(57)+94(574)"15/16"
EDN: XLTFTR

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КУЗЕМБАЙУЛЫ А., АБИЛЬ Е., АЛИБЕК Т. СИБИРСКИЙ УЛУС И КАЗАХИ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Резюме. Результаты и научная новизна. Рецензируемая книга состоит из четырех глав. Первая из них посвящена истории изучения государственности Шибанидов и Тайбугидов на юге Западной Сибири, а также теоретико-методологическим подходам к вопросам реконструкции этнической истории в российской и казахстанской исторической науке. Во второй главе рассмотрена «Историческая память как источник по истории Сибирского улуса». В ней представлены артефакты памяти о т.н. Сибирском улусе в казахском эпосе, поэзии и исторических преданиях в «Материалах по киргизскому землепользованию». Представленные здесь источники фактически не известны российским исследователям и открывают новые возможности в изучении некоторых вопросов истории позднесредневековой сибирской государственности. В третьей главе поднимаются вопросы предистории Сибирского улуса, при этом особое внимание уделяется улусу Тайбуги. Четвертая глава посвящена собственно истории Сибирского улуса.

Рецензируемая монография является важным этапом в становлении современной казахстанской историографии по вопросам изучения позднесредневековой истории Западной Сибири. В ней показаны некоторые новые, неизвестные или плохо известные в российской исторической науке источники, имеются оригинальные мысли относительно этнических связей сибирского и казахского населения и происхождения сибирской княжеской династии Тайбугидов. Однако, игнорирование достижений новейшей российской историографии и ее выборочное цитирование, отказ от выстраивания точной хронологии и пропуск целых десятилетий в обобщающих выводах, выбор наименования «Сибирский улус», так и не раскрывшего свой потенциал, ставят вопрос о том насколько авторы действительно смогли создать качественное исследование по вопросам роли государственности Шибанидов в истории складывания казахского народа.

Ключевые слова: казахи, государственности, этнополитическая история, взаимоотношения Казахского ханства с Сибирским ханством, Шибаниды

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Рецензия на книгу: Кузембайулы А., Абель Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 709–724. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> EDN: XLTFTR

© Маслюженко Д.Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках реализации программы ИРН BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика».

**REC. AD OP.: KUZEMBAYULY A., ABIL' E., ALIBEK T.
THE SIBERIAN ULUS AND KAZAKHS: PROBLEMS
OF ETHNIC CONTINUITY AND HISTORICAL MEMORY**

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

Abstract. Results and scientific novelty. The reviewed book consists of four chapters. The first one is devoted to the history of research of the Shaybanids and the Taibugid statehoods in the south of Western Siberia, as well as to the theoretical and methodological approaches to the issues of ethnic history reconstruction in the Russian and Kazakh historical fields. The second chapter deals with "Historical memory as the source of the history of the Siberian ulus". It presents memory artefacts of the so-called Siberian ulus in the Kazakh epos poetry and in historical legends on "The materials on Kyrgyz land use". The sources presented here are virtually unknown to Russian researchers and they open new opportunities for the study of some issues of the late medieval Siberian statehood history. The third chapter raises issues of the prehistory of the Siberian ulus, with special attention given to the ulus of Taibugi, the study of whose descendants has recently taken the lead in Kazakh medieval studies. The fourth chapter is devoted to the history of the Siberian ulus, divided into separate stages (13th–14th centuries, the period of the collapse of the Golden Horde, the Siberian Khanate).

The reviewed monograph is an important stage in the formation of modern Kazakh historiography on the issues of further study of the late medieval history of Western Siberia. It reveals some new sources, unknown or little known in earlier Russian historical science; there are interesting and original ideas on ethnic relations of the Siberian and Kazakh population and the origin of the Siberian princely dynasty of the Taibugids, which need further reflection. However, ignoring many achievements of the latest Russian historiography and its selective quoting, refusal to build an accurate chronology, skipping entire decades in the generalising conclusions, and the choice of the term "Siberian ulus", which has not revealed its full potential, raise the question as to what extent the authors were really able to create a quality study on the role of the Shibanid statehood in the history of the formation of the Kazakh people.

Keywords: Kazakhs, statehood, ethnopolitical history, relations of the Kazakh Khanate with the Siberian Khanate, Shibanids

For citation: Maslyuzhenko D.N. Rec. ad op.: Kuzembayuly A., Abil' E., Alibek T. The Siberian ulus and Kazakhs: Problems of ethnic continuity and historical memory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 709–724. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> (In Russian)

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the IRN BR21882223 program “The Kazakh Khanate in the second half of the 15th – first half of the 18th centuries: ethnopolitical history and foreign policy”.

В казахстанской историографии в последние 30 лет написано значительное число работ, посвященных истории шибанидской государственности Западной Сибири. При этом, несомненно, знаковой фигурой для этих работ является сибирский хан Кучум, которого С.У. Ремезов описал как пришедшего «от Казачьей орды» [22, с. 319], что и стало одной из причин внимания к нему [28, с. 549-550]. В последние годы интерес исследователей сместился к фигурам князей из династии Тайбугидов, для обсуждения истории которых 17 мая 2023 года в Астане была даже проведена научно-практическая конференция «Тайбуга и Тайбугиды в политической истории Евразии». К сожалению, следует признать, что разрозненность подобных работ и частая публикация только в бумажном формате без размещения в интернете не позволяет исследователям, особенно за пределами Казахстана, провести их полноценный историографический анализ, хотя он давно уже назрел.

В последние годы от отдельных статей казахстанские исследователи перешли к публикации обобщающих монографий по вопросам истории сибирской государственности. Несомненно, что знаковое место среди них занимает исследование трех историков А.Кузембайулы, Е.Абиля и Т.Алибек «Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти», которое было выпущено в Костаное Региональным университетом имени А.Байтурсынова в 2022 году [10]. В отличие от истории Шибанидов в целом, вопрос роли населения Сибирского улуса в складывании казахов не только не изучался, но и фактически не ставился исследователями. Максимально близко к этому вопросу подходил Ж.М. Сабитов в своей статье «О взаимоотношениях Казахского ханства и Сибирских Шибанидов», которая была опубликована в сборнике первой конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» в Кургане в 2011 году [20]. Отчасти вопрос затрагивался и в статье автора этой рецензии «Казахи на территории Среднего Притоболья в XVI–XIX вв., которая была опубликована в 2013 году [12], а также в одной из работ З.А.Тычинских 2011 года [27], у которой в 2024 году также вышла статья, являющаяся своеобразным отзывом на рецензируемую монографию [28]. Любопытно, что фактически все ранние работы вышли в одно время в 2011–2013 гг., что явно говорит о некоем имевшемся на тот момент социальном запросе на такие исследования.

Данная книга состоит из четырех глав. Первая из них «История изучения и теоретико-методологический подход» собственно состоит из двух разделов, содержание которых соответствует структурным частям названия главы. Во второй главе «Историческая память как источник по истории Сибирского улуса» в рамках первого раздела рассматривается вопрос памяти об этом улусе в казахском эпосе и поэзии, а второй посвящен историческим преданиям в «Материалах по киргизскому землепользованию». Заранее отметим, что предложенные здесь источники, по нашему мнению, фактически не известны российским исследователям. В третьей главе поднимаются вопросы преемственности Сибирского улуса с отдельным выделением раздела об улусе Тайбуги и собственно возникновении Сибирского Улуса. Наконец, в четвертой главе рассматривается уже история

этого улуса по отдельным этапам (XIII–XIV вв., период распада Золотой Орды, Сибирское ханство).

Подход авторов к историографии для обзора довольно традиционен, хотя и включает исчерпывающий список наиболее знаковых имен российских, зарубежных и казахстанских историков, начиная от Г.Ф. Миллера. Для российских исследователей наибольший интерес здесь представляет анализ складывания национальной историографии в конце XIX – начале XX века, в частности работ К.Халида и Ш.Кудайбердиулы, в которых, в том числе на основании фиксации исторической памяти казахов, были поставлены вопросы их этногенеза [10, с. 20–21]. Отметим, что и некоторые имена современных казахстанских историков по исследуемым проблемам, например Ф.М.Шамшитденовой, не очень известны в России. Жаль, что в дальнейшем на с. 43–45 авторы сужают общее поле национальной историографии в основном до дискуссии о происхождении Тайбугидов, что играет важную роль в формировании основных идей главы 3.

На с. 32 авторы останавливаются на противоречии в рамках советской историографии, когда столкнулись два взаимоисключающих подхода о появлении казахов в Западной Сибири только на рубеже XVII–XVIII вв. и о казахах как автохтонах и активных участниках событий в Сибирском ханстве. Причем первый из них в основном был характерен для историков, а второй – для этнографов, особенно омской школы под руководством Н.А.Томилова. Это противоречие не изжито в российской историографии до сих пор, причем, по мнению авторов монографии, первое направление особенно характерно для курганских исследователей, среди которых отдельно выделяют В.Д.Пузанова и некоторые проекты под редакцией автора рецензии [10, с. 32].

Выборочный анализ современной российской историографии, с концентрацией на некоторых взглядах, высказанных в коллективной монографии «Тюменское и Сибирское ханства» (Казань, 2018), в результате на с. 39 приводит авторов к спорному, на наш взгляд, выводу: «В тоже время наблюдается тенденция исключения участия казахов в истории региона, фрагментации политической истории Сибирского улуса. При этом практически не учитывается этническая преемственность тюркоязычного населения данного региона в период средневековья, а этнонимы понимаются в их современном значении, без учета многочисленных трансформационных процессов в этнической истории. Не вовлекаются в научный оборот казахские исторические предания о сибирском происхождении части казахского этноса...» [10, с. 39]. Поясним то, почему это представляется нам не бесспорным, хотя в целом мы согласны с тезисом о недооценке источниковедческого потенциала казахских исторических преданий в российских исследованиях.

Возможно, в казахстанской историографии термин «Сибирский улус» является принятым, однако, не уточнив во введении эту дефиницию и как термин, и с позиции хронологии и географии, авторы, к сожалению, могут запутать читателя. Так, В.В.Трепавлов в своей статье «Улус» для «Большой российской энциклопедии» верно, на наш взгляд, уловил множественность его смыслов «1) в Монголии 12–13 вв. население, зависимое от нойона и проживавшее в его владениях. 2) С образованием Монгольской империи название государства (Йеке Монгол улус) и составлявших его владений Чингизидов (У. Джучи, У. Чагатай, У. Хулагуидов). В Золотой Орде У. – название государства (Улуг Улус – «Великое государство»), а также пожалованное или наследств. владение царевича или бека, включавшее территорию кочевания (юрт) и контингент подданных (эль, иль). В разл. монгольских и тюркских языках понятие «У.» со временем стало также обозначать государство, страну (совр. монг. «улс»), кочевую общину, кочевое стойбище,

селение...» [26]. В таком случае, когда российских историков упрекают во фрагментации политической истории Сибирского Улуса, то не конструируют ли сами авторы монографии политическую сущность, которой на самом деле не было в некоем однозначно сложившемся виде, тем более, что нами не обнаружен анализ собственно источниковой базы по сибирской истории, которая бы подтверждала существование как термина, так и самого единого Сибирского улуса именно в рассматриваемых хронологических рамках. Кроме того, множественность значений данного термина дает возможность использовать его как для обозначения ханства, так и отдельного удела в его составе, что требует постоянных оговорок. Если же авторы считают, что улус должен использоваться только в первом смысле, то тогда было бы логично говорить о «Казахском улусе», но в этом отношении авторы остаются приверженцами сложившейся историографической традиции, то есть Казахского ханства.

К этому замечанию, как и к вопросу о выборе названия «Сибирский улус», авторы возвращаются на с. 106 во введении к главе 3. Здесь становится понятным, что под фрагментацией они понимают выделение в политической эволюции такого региона как Западная Сибирь и Северный Казахстан самостоятельных владений и государственных образований (Золотая Орда, Тюменское ханство, Сибирское ханство) [10, с. 106]. Откровенно говоря, не ясно причем здесь некая фрагментация, если речь идет о построении исторической периодизации местной государственности. Тем более, что не ясен вопрос о том, как и когда происходит подвижка Шибанидов из степной зоны в лесостепь и тайгу Западной Сибири, где в период расцвета Улуса Джучи их явно не было. Периодизация как раз и показывает формирование правящей династии Шибанидов и постепенную подвижку их владений в начале с юга на север до Чинги-туры, а потом с запада на восток до Искера. При этом никто не отрицает единство местной правящей династии не только до начала XVII века, но и по сути вплоть до попыток ее реставрации в 1660–1670-х гг. Представляется, что напротив отказ от такой периодизации и попытка выработать некую кажущуюся стабильной модель упростит реальную сложность и мобильность местной государственности как сложного политического механизма в рамках истории позднесредневековой кочевой цивилизации. Не согласны мы и с объяснением того, что же такое «Сибирский улус». Авторы отмечают, что это «удел, территория, выделенная чингизидам в управление», но само это определение, на наш взгляд, плохо применимо к изучаемым государствам Шибанидов, которые вряд ли были кем-то выделены в управление, особенно после окончательного разрыва с Тука-Тимуридами при хане Абу-л-Хайре. Кроме того, по мнению авторов монографии, «Тайбугидское владение и Сибирское ханство шибанидов – составные части данного политико-правового организма» [10, с. 106], и по этой причине к ним может быть применимо общее наименование «Сибирский улус», что в целом в предлагаемой схеме вновь отправляет нас к пониманию местной государственности советского времени, что вряд ли возможно в контексте всей накопленной массы информации по этим вопросам за последние 25 лет в российской историографии.

Несколько сложнее с выводом о сложившемся концепте этнической истории. Во-первых, если мы говорим, об этнической преемственности тюркоязычного населения Западной Сибири на протяжении всего периода средневековья, то это требует анализа значительного объема археологической литературы по домонгольскому периоду, а также выделения зон взаимодействия тюркского и угорского населения в северной степной и лесостепной зонах, концепция которых выходит далеко за пределы рассматриваемой монографии и круга ее вопросов. Если же мы

говорим о преемственности в пределах XIII и последующих веков, то как раз с ней никто из российских исследователей не спорит, но, конечно, только с учетом значительного притока тюркских и монгольских кочевников в период монгольского завоевания и формирования Улуса Джучи, который был вполне достоверно определен В.П.Костюковым [9, с. 129–131], а также не менее значительной мобильности сформировавшегося населения. Проблема здесь в том, что сами используемые сейчас российскими исследователями названия «Тюменское ханство» и/или «Сибирское ханство» ложно локализируют эти государства только на юге Западной Сибири. В действительности, в том числе в рамках меридиональных маршрутов кочевания, местные ханы, их орду-базары, значительные группы населения постоянно передвигались между Сырдарьей и Тоболо-Иртышьем и Иртышом и Уралом, то есть занимали значительные степные территории современного Казахстана. Понятно, что с учетом этого требуется выработка иного термина (возможно в рамках концепта «Шибанидское (Шибанское) государство»).

В работах специалистов по истории Тюменского и Сибирского ханства, особенно Д.М.Исхакова и автора этой рецензии, неоднократно поднимался и вопрос кланового (племенного) состава населения государств Шибанидов в Западной Сибири [например: 5; 13]. Необходимость более аккуратной работы с этнонимами хорошо проявилась, например, в ходе дискуссии о иштяках и некоторых других групп сибирского населения [6; 21]. Следует отметить, что на самом деле все озвученные казахстанскими коллегами проблемы хорошо известны специалистам по сибирской истории. Хотя еще раз подчеркнем, что роль казахского компонента в этих процессах действительно не обсуждается столь активно как раз в силу и сложности, если не невозможности, перехода от племенного к этническому анализу для XVI–XVII века (на эти противоречия обращают внимание и авторы монографии в разделе 1.2), и в силу источниковой базы. Кстати, в самой монографии на с. 104 содержится чрезвычайно важная оговорка, которая несколько по-иному трактует якобы имеющееся противоречие. Авторы в целом соглашались, что носители политонима «казак», входившие в состав Казахского ханства (кстати, все же не ясно почему в общей стилистике книги они не называют его «Казахский Улус»), действительно появились на территории современного Северного Казахстана только в последней четверти XVII века, «однако местное тюркоязычное население, входившее в состав других политических объединений и маркировавшееся источниками как «ногаи» и «татары» в основном осталось на прежних местах и вошло в состав казахов» [10, с. 104]. Представляется, что с такой трактовкой сложно не согласится, хотя она и противоречит ранее рассмотренной позиции [10, с. 39]. Другое дело, что сам процесс вхождения ногаев и сибирских татар в состав казахов пока также не до конца изучен, что и отражает явную новизну анализируемого исследования.

К сожалению, авторы по неясной причине не стали анализировать в историографии известную им по ссылке на с. 184 и чрезвычайно интересную в этом плане статью В.В.Трепавлова «Шибаны: несостоявшийся этноним», которая была опубликована в журнале «Золотоордынское обозрение» в 2019 году и как раз актуализировала изучение данного политонима, который мог бы стать этнонимом для всех подданных Шибанидов [25]. Скорее всего, именно под ним и скрывались какое-то время значительную группу населения Северного Казахстана и Западной Сибири, у которых таким образом был опыт проживания в рамках одной политики до занятия части этой территории собственно Казахским ханством уже в конце XVII века. Таким образом, если в целом анализ историографии не вызывает вопросов, то сделанные на его основе выводы относительно современной российской историогра-

фии не всегда корректны, построены на анализе лишь отдельных исследований, а, если сравнить их с другими разделами книги, то и отчасти противоречивы, что является частой проблемой коллективных монографий.

В главе 2 авторы подробно останавливаются как раз на вопросах исторической памяти казахов как источника по истории Сибирского улуса, на пробелы в исследовании которых они обращали внимание в разделе 1.1. При этом, поскольку большая часть таких текстов, особенно эпосы, опубликована в изданиях, которые либо в России неизвестны и не представлены в сети Интернет, либо опубликованы только на казахском языке, то в главе действительно содержится ряд важных наблюдений как по сибирской истории, так и по потенциалу поиска новых источников, столь актуальных для изучения позднесредневековой государственности Западной Сибири. При этом обратим внимание, что речь идет об источниках XVIII–XIX века, которые содержат именно элементы исторической памяти и не всегда четко могут быть соотнесены с историческими описаниями в синхронных текстах.

Авторы обращают внимание на упоминание Тайбугинского улуса во втором варианте (образце) эпоса «Кисса-и-Карабек» как одного из «журтов ногайлинского времени» [10, с. 60–62]. Так же обсуждается вопрос источниковедческого потенциала исторических поэм (дастанов) XVIII века, авторство которых приписывается Дастем-сала и Кожаберген-жырау. В них любопытен список «шести сибирских народов», которые могли входить в личный домен правителя Тюменского улуса (в данном случае также оставляем термин авторов, под которым, видимо, следует понимать Тюменское ханство российской историографии). К ним относятся искеры, барыны, бараба, курлаши, сункары и карабаши, которые живут в низовьях Ишима, Иртыша и Тобола [10, с. 68–69]. Если считать этот перечень историчным, то он дает еще один список местных племен к уже известным, при этом пересекаться с ними однозначно будет только бараба [7], а барыны известны среди племен из окружения хана Али б. Кучума [3, с. 45], хотя понятно, что под искерами, видимо, понимали группу населения вокруг соответствующего политического центра. В этой же песне Тюмень называется «астана журт», то есть столичный юрт. Кстати, обратим внимание, что, несмотря на этот источник, авторы все же предпочитают использовать «Сибирский улус». В этом же дастане описывается взаимодействие Едигера, Кучума и Сейдяка, который при этом считается везирем при Кучуме [10, с. 69–70]. Последний в качестве одного из противников Ермака также встречается в эпосе у казахских киреев, которые традиционно увязываются с более ранним этнонимом керейты [10, с. 75]. Указания на Кучума, Ермака и некоторые другие сюжеты явно говорят об «участии предков казахов в исторических событиях периода русского завоевания Сибирского ханства» [10, с. 75], что подчеркивает связь происхождения предков некоторых казахских родов именно с Западной Сибирью [10, с. 71]. Версия участия казахов в борьбе против Ермака недавно подверглась резонной критике З.А.Тычинских, которая верно указала на то, что напротив их активно использовали против Кучума [28, с. 551–553]. Это не отрицает того факта, что отдельные коллективы из Западной Сибири могли уже в процессах XVII века войти в состав казахов, что и стало основой для появления подобных эпосов и дастанов. Только проблема в том, что в период участия в событиях на территории Сибирского ханства казахами они еще не были.

Причем в шежере многих казахских племен, которые были записаны в основном в первой трети XX века, в качестве предка казахов и каракалпаков указан некий Сапиан / Сабиян /Сафиян, которого авторы монографии связывают с Сы-

баном, то есть Шибаном [10, с. 75–86]. С нашей точки зрения, любопытен не только сам этот момент, но и то, что в некоторых генеалогиях он заменяется Тюменом, а в качестве отца указывается Майкы-бий [10, с. 80]. Еще в одной генеалогии вместо Тюмена указан Уйсун [10, с. 84]. Все эти три личности, хотя и в ином порядке, встречаются только в генеалогии племени табын. Об их представителях в степях современного Казахстана в окружении потомков хана Кучума мне уже приходилось писать ранее [11], по этой причине не ясно почему авторы монографии не стали использовать эту очевидную связь между сибирским населением и казахами. В целом же приведенные источники, а также исторические предания из раздела 2.2., явно расширяют наши возможности по изучению истории государственности Шибанидов и требуют дальнейшего анализа.

Глава 3 полностью посвящена предистории Сибирского улуса, а значительная ее часть раскрывает вопросы и противоречия в изучении именно Улуса Тайбуги. При всей скудности источниковой базы по этому вопросу именно история Тайбугидов является одним из камней преткновения в истории сибирской государственности. Авторы монографии добавляют к богатству ее историографии по этой проблеме несколько интересных, хотя и не бесспорных, штрихов. Основная идея авторов в том, что Тайбугиды были реальными, а не мнимыми, потомками Ван-хана керейтского. Исходя из этого, сами они принадлежали именно к керейтам, что добавляет еще одну версию в вопрос кланового определения этой династии, которую ранее уже причисляли к найманам, айлы, кыпчакам, мангытам, салжиутам и наконец в последнее время буркутам. По мнению авторов, буркут (орел) был тотемом рода Ван-хана, что и привело к закреплению последнего названия за Тайбугидами [10, с. 115 и далее]. В свете этой концепции авторы также подробно останавливаются на возможных связях крымских и сибирских киреев / буркутов, считая, что их представители вернулись в Сибирь к XV веку [10, с. 125], о чем, пожалуй, ранее всех писала М.Иванич [4, с. 318]. Идея с керейтами понадобится авторам и в дальнейшем, поскольку на с. 190 в связи со вторым компонентом имени старшего брата Кучума Ахмад-Гирея будет высказана версия, что его аталыком был представитель киреев [10, с. 190] (интересно, что в связи с этим сам контекст враждебности Тайбугидов и Шибанидов авторы книги не пересматривают, хотя в таком случае и отношения Кучума и Сейдяка в указанном выше дастане выглядят по иному). К версии происхождения Тайбугидов от Ван-хана керейтского авторы будут обращаться неоднократно. Одно из последних таких упоминаний мы встретим на с. 199 уже в контексте описания событий первой четверти XVII века. Так, авторы пишут «Возможно, память об определенной связи между двумя линиями потомков Ван-хана – торгоутской и тайбугинской, существовала, что служило дополнительным аргументом в политике поддержки калмыками сибирских шибанидов» [10, с. 199]. Однако, во-первых, такую связь мы не видим нигде в источниках; во-вторых, авторы всю книгу доказывали классическую версию сибирских летописцев о враждебности Шибанидов и Тайбугидов, но в ее контексте совсем не ясно, зачем же тогда калмыкам поддерживать первых на протяжении почти всего XVII века.

В целом, трактовка Тайбугидов как киреев привела авторов к необходимости описания всего процесса политогенеза и этногенеза этой группы, что заняло большую часть рассматриваемой главы, но при этом не ответило на вопрос того, что же такое «Улус Тайбуги» в контексте сибирской истории, когда он был создан и какую территорию занимал. Само же возникновение Сибирского улуса в разделе 3.2. сведено к довольно краткому описанию политики Чингиз-хана и Джучи на этом направлении, которое в целом следует традиционным концептам

историографии. При этом оно никак не увязывается с разделом 3.1. о Улусе Тайбуги, а также не объясняет нам, что же такое Сибирский улус периода возникновения. В результате эта глава, несмотря на новый взгляд на происхождение Тайбугидов и довольно интересную аргументацию в этом направлении, оказалась несколько не выдержана в одном теоретическом концепте.

К большому сожалению, авторы еще и пошли на поводу довольно спорной концепции Я. Пилюпчука о роли кыпчаков в подчинении Западной Сибири Монгольской империи, завершении покорения местных «иштяков» и их нахождении в составе отрядов Тайбуги [10, с. 158–159]. Ни один этот факт не подтверждается источниками, а сама концепция построена на довольно странном прочтении всего одного источника. По данным Абу-л-гази, «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил...попавших...в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, с. 44). Конечно, при наличии иных текстов было бы любопытно это соотнести с описанным в сибирских летописях походом Тайбуги по поручению Чингизхана для подчинения местных народов. Но в действительности никакого основания для такого сравнения нет.

Одна из самых больших глав монографии посвящена истории Сибирского улуса. Она также разделена на три раздела, где в 4.1. рассматривается история Сибирского улуса в XIII–XIV вв. Автор рецензии, не вдаваясь в уже бесконечный спор о Серой, Синей и Белой ордах и соответственно о крыльях и центре Улуса Джучи, вполне согласен с позицией о принадлежности сибирских территорий Орда-ичену и его потомкам, а следовательно позднем появлении здесь Шибанидов [10, с. 160–162]. В принципе при немногочисленности источников по ранним представителям этой династии можно согласиться и с позицией о вхождении Северного Казахстана, Приуралья и Урала во владения Шибанидов только при Минг-Тимуре б. Бадакуле (скорее всего, первая половина или середина XIV века). Верна и позиция о том, что «политическая история Тайбугидского владения в 13–14 веках практически не реконструируется» [10, с. 165], хотя ранее на с. 163 авторы не исключают факта правления Тайбуги и его потомков в Чимги-Туре и его округе с 1220-х гг. [10, с. 163]. Понятно, что такая трактовка выстраивается только на основании хорошо известных различных редакциях сибирских летописей XVII века.

Более любопытно, что, описывая возможное улусное деление в Западной Сибири и Северном Казахстане, они следуют концепции Ю.В.Селезнева, который выделял здесь улусы Тюмень, Ишим, Сингкума, неназванный между Иртышом и Обью к северу от Тары, размещая улус Шибана в долине Иргиза и Торгая до Северного Приаралья [10, с. 166–168]. Во-первых, источники для выделения такой улусной системы автору рецензии остаются неизвестными, это скорее творческое конструирование возможной системы. Во-вторых, абсолютно не ясно не замечают ли сами авторы монографии одного интересного противоречия – среди этих улусов, как и вообще в этом разделе, ни разу не упомянут собственно Сибирский улус, если, конечно, они не считают, что все эти улусы в свою очередь формировали Сибирский улус, который был частью некоего Левого крыла Улуг Улуса (этот термин казахстанской историографии, особенно его применение на с. 164 к периоду правления Абу-л-Хайра [10, с. 164], требует отдельного анализа со стороны российских исследователей). Представляется, что, выбрав именно Сибирский улус как базовую единицу анализа, авторы сами загнали себя в тупиковую ситуацию в попытке обосновать единый концепт развития и функциони-

рования того, что, видимо, а является лишь исследовательским конструктом, не подтвержденным источниковой базой.

Раздел 4.2. посвящен Сибирскому улусу в период распада Золотой Орды. Интересно, что по тексту, вопреки названию, очень часто он вновь заменяется левым крылом Улуг Улуса. Проблема в том, что в целом здесь мы находим вполне традиционный для историографии последних десятилетий набор основных сюжетов, связанных с ролью Шибанидов в Великой Замятне и их многообразных контактов с Тукайтимуридами, особенно при Токтамыше, а также борьбе шибанских ханов в первой трети XV в. которая привела в конечном итоге к возведению Абу-л-Хайра и последующим событиям вплоть до прихода к власти Ибака (Ибрахима). В отношении последнего уже неоднократно была показана ошибочность его трактовки как сына Хаджи-Мухаммада, к которой вновь возвращаются авторы на с. 183, поскольку по большинству генеалогий в источниках он был внуком, что, кстати, следует и из описания его предков на с. 185 [10, с. 183, 185]. Не мог быть Хаджи-Мухаммад и основателем Сибирского ханства [10, с. 178], хотя бы в силу того, что само это название лишь конструкт, основанный при этом на источниках 1570-х гг. Мы уже подробно рассматривали этот вопрос, но еще раз обратим внимание на то, что в позднее средневековье на юге Западной Сибири явно было две земли (юрта, вилайета) – Тюмень или Тура и Сибирь. Подчинение последней Шибанидам произошло не ранее середины 1490-х гг., а перенос столицы не ранее 1563 года. Возникает резонный вопрос: не является ли в таком случае использование понятия «Сибирское ханство» лишь модернизацией или данью историографической традиции. Распространение же понятия «Сибирь» на все колоссальные пространства за Уралом происходит уже по мере формирования здесь русской власти в новое время [15].

В этом контексте авторы обращаются и к знаменитой легенде «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». По их мнению, исламизация была «формальным поводом к установлению полного контроля над населением лесостепной части Сибири после передачи этих земель во владение Шибанидам» (судя по контексту, может быть было бы более верно говорить не о передаче, а о переходе контроля) [10, с. 176]. Авторы при этом делают вновь интересную оговорку: в начале они пишут о исламизации кочевого населения Тюменского владения, а потом согласно легенде только о народах на берегах Иртыша. Во-первых, в историографии уже высказывались вполне обоснованные сомнения в историчности этой легенды, которая была сформирована в среде сибирских бухарцев XVII–XVIII в. [2, с. 39]. Во-вторых, не ясно на каком основании авторы продляют границы Тюмени в это время до Иртыша, хотя даже в 1480-е гг. они не выходили за пределы р.Тавды, к северу от которой и начиналась Сибирская земля [16, с. 121]. При этом татары Тюменского вилайета были тесно связаны с Приуральем и Поволжьем и явно были исламизированы ранее, а вот группы расположенные на восточной периферии Золотой Орды в Сибири (в понимании того времени) действительно могли оказаться за пределами процессов исламизации, что и потребовало значительных усилий уже в 1570-х гг. со стороны хана Кучума и строительства именно в этих местах значительного числа астана как зримого символа новой веры [14, с. 146].

Представляется, что авторы монографии, недооценивая современную российскую историографию (особенно последних 25 лет), в результате упускают некоторое число важных для их исследования работ. Проблема здесь в том, что количество работ по истории государственности Западной Сибири позднего средневековья в эти годы уже численно превысило все написанное в XX веке.

Открытие или новое прочтение источников, совместная работа историков, археологов, этнографов, а в последнее время еще и генетиков, а также дискуссии между ними привели к тому, что мы можем говорить о серьезном историографическом повороте и пересмотре многих традиционных точек зрения. Выборочное «выхватывание» отдельных статей очевидно не позволило авторам разобраться в богатстве точек зрения, особенно на Тюменское ханство. Более всего в этом разделе удивляет то, что в конечном итоге сам базовый термин «Сибирский улус» в тексте раздела так и не был ни разу использован, что в очередной раз ставит вопрос о том, зачем же он был нужен авторам.

Раздел 4.3 посвящен истории Сибирского ханства (и вновь возникает риторический вопрос: в чем же была причина и необходимость введения в книгу понятия «Сибирский улус»). В самом начале на с. 185 нас ждет открытие, поскольку по мысли авторов после окончательного оформления этого ханства при Саййид-Ибрахиме (двойное имя основано на единственном источнике, описку в котором комментировали уже неоднократно): «господствующей силой стали представители клана Тайбугидов – потомки Он-хана керейтского» [10, с. 185]. Однако, во-первых, сам факт свадьбы хана на дочери главы «тайбугинского клана» Умара не был чем-то исключительным, поскольку буркуты также скрепили ранее союз и с Абу-л-Хайром [18, с. 104]. Источники по истории государства последнего позволяют реконструировать племенной и клановый состав окружения хана, а вот для Тюменского ханства при Ибаке и его наследниках это сделать почти невозможно, что и ставит известие об этом браке в особые условия. Во-вторых, вскоре после этого Умар был ханом убит, а весь его клан поставлен под контроль Ибака, после чего на реальное господствующее место выходят представители правящего рода Ногайской Орды. Авторы монографии, к сожалению, все это опускают и сразу же переходят к т.н. «восстанию», реальность которого обоснована только рассказами сибирских летописей, то есть отстоят минимум на 125 лет от событий, а также ангажированы спецификой татарских информаторов в Тобольске, вокруг которого проживали группы искерских татар, близких к Тайбугидам. Опять же неоднократно в литературе как автором этой рецензии, так и А.В.Паруниным выдвигались иные объяснения события 1495 года и последующих лет [19, с. 149–166].

Далее без всяких ссылок на источники авторы утверждают, что при помощи «степный и лесостепных кланов найман, кыпчак, курлеут, конграт, чат, а также оседлых тюрков – туралы и бараба, тайбугинцы смогли подчинить своей власти племена ханты и манси» [10, с. 186]. Автор рецензии был бы рад, если бы мы реально могли реконструировать список сибирских племен первой половины XVI века, но, к большому сожалению, предложенные авторами перечень не может быть верифицирован источниковой базой. Без них же мы вечно будем продолжать говорить о том, как Тайбугиды изгнали Шибанидов из Сибири [10, с. 186], игнорируя реальные причины провала Тюменского ханства и специфику отношений этих династий до переговорной ситуации 1555–1563 гг., которая и сделала возможных их конфликт после 1557 года. В итоге авторы книги пытаются возвеличить историю династии князей Тайбугидов, не имея на это никаких новых источников и даже напротив игнорируя все открытия в этом направлении в российской историографии за последние 25 лет.

Отдельно обратим внимание на еще один сюжет: по мысли авторов уже в 1519 году все земли Северного Казахстана вошли во владения казахских ханов при сохранении местного населения и даже оставлении у власти местных правителей улусов [10, с. 187]. Ссылаются они при этом на с. 49 монографии М.Х.Абу-

сеитовой «Казахское ханство во второй половине XVI века» (Алма-Ата, 1985) [1]. Найти на этой или другой странице данной книги как дату 1519 год, так и саму такую идею нам не удалось. Причем, по их мнению, в результате деятельности ханов Касима и Тахира между 1519–1523 гг. сам Мангытский юрт оказался разделен на два владения. К восточному во главе с кековатом относились земли Центрального и Западного Казахстана, Башкирии и Юго-Западной Сибири. Ссылка на источники этой информации вновь не содержится, но сравнение некоторых фраз показывает, что, скорее всего, это довольно специфичный «переклад» идей В.В.Трепавлова [23, с. 194–197]. При этом упущены некоторые принципиальные моменты: все это произошло в 1530-е гг., когда в результате серии побед над казахами их земли напротив перешли под власть ногаев, они стали распоряжаться их ханским престолом, в результате чего размеры Ногайской Орды резко увеличились, что и потребовало введение традиционного крыльевого деления, а также создания собственной системы титулатуры, где кековат стал правителем левого крыла Ногайской Орды, то есть третьим лицом в ее иерархии, в функции которого входила охрана восточных границ Орды. Первым кековатом при этом стал могущественный родственник Шибанидов Шейх-Мамай, который вскоре станет новым бием. Кстати, В.В.Трепавлов вообще считал, что Башкирия оказалась вне этого деления Орды. Добавим к этому, что, по нашему мнению, контроль над указанными территориями подразумевал и власть над Северным Казахстаном. Представляется, что в текущих условиях наши знания по отдельным десятилетиям степной истории позволяют обсуждать изменения в политике уже даже не по годам, а по месяцам, в результате чего попытка краткого пересказа событий двух десятилетий приводит к искажению их сути.

На с. 189 авторы книги обращаются к знаковому образу хана Кучума (Кошима), который якобы захватил Искер и провозгласил себя сибирским ханом [10, с. 189]. Этот образ опять же построен только и исключительно по сибирским летописям. Синхронные источники, в том числе московского и ногайского происхождения, показывают, что вместо захвата было приглашение на престол лучшими сибирскими людьми, причем не Кучума, а его старшего сына Ахмад-Гирея. Источники эти опубликованы, в том числе нами [17], а, следовательно, нет никакого смысла пытаться как возвращаться к идее захвата, так и искать некий улус последнего в среднем Притоболье и верховьях Урала. Кстати, интересно то, что, выстраивая связь Кучума с казахами, авторы как-то забывают об указании Утемиш-хаджи в «Кара таварих»: «Кучум хан совершил поход в Туркестан в сторону Отрара и со всей страной казаков бился» [29, с. 84].

Зато довольно любопытным, на наш взгляд, сюжетом является поиск следов «Тайбугинского жребия» во главе с мангытским мирзой Ураз-Мухммедом, получившим новый титул тайбуга. Авторы книги вполне аргументировано соотносят его с рядом названий и преданий, связанных с правобережьем реки Ишим [10, с. 191–192]. Эти рассуждения весьма интересно дополняют известную статью В.В.Трепавлова, в которой он пишет, что, скорее всего, откочевка этого «жребия» к ногаям связана с событиями 1582 года [24, с. 75]. По всей видимости, бежали из Сибири именно коллективы, поддерживавшие ранее Тайбугидов, а, следовательно, не желавшие принимать участие в борьбе Кучума против русских. Если их следы действительно сохранились среди казахов, то это, как и указанная выше история табын, еще одна очевидная связь между сибирским и казахским населением.

В целом, рецензируемая монография является во всех смыслах яркой страницей казахстанской историографии по вопросам позднесредневековой истории

Западной Сибири. В ней показаны и некоторые новые, неизвестные или плохо известные в российской исторической науке источники, имеются весьма интересные и оригинальные мысли относительно этнических связей сибирского и казахского населения, которые требуют своего осмысления. В тоже время игнорирование новейшей российской историографии или ее выборочное цитирование, отказ от выстраивания хронологии, пропуск целых десятилетий при обобщающих выводах, странный выбор наименования «Сибирский улус», так и не раскрывший свой потенциал, ставят вопрос о том насколько все же убедительной получилась предложенная авторами реконструкция роли шибанидского фактора в этногенеза ряда групп казахского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.
2. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С. 195–229.
3. Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
4. Иванич М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 314–328.
5. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
6. Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 215 с.
7. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5. Тобольск, 1896. С. 1–13.
8. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
9. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. 200 с.
10. Кузембайулы А., Абиль Е., Алибек Т. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А.Байтурсынова, 2022. 256 с.
11. Маслюженко Д.Н. Представители племени табын в системе сибирской государственности Шибанидов // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сборник научных трудов. Астана: Мастер-По, 2012. С. 197–204.
12. Маслюженко Д.Н. Казахи на территории Среднего Притоболья в XVI–XIX вв. // Вестник Курганского государственного университета. № 4 (31). Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 9. С. 71–74.
13. Маслюженко Д.Н. Поименные списки соратников Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. С. 44–60.
14. Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158>
15. Маслюженко Д.Н. «Сибирское царство» как концепт русских летописей и посольских документов второй половины XVI в. // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394>

16. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
17. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 года: значение в истории и историографии Сибирского ханства // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М.: ООО «Издательский дом „Медина“», 2017. С. 457–468.
18. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 103–109.
19. Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430-1508 гг. Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 247 с.
20. Сабитов Ж.М. О взаимоотношениях Казахского ханства и сибирских Шибанидов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2011. С. 68–70.
21. Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–141. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/29>
22. Сибирские летописи. Издание Императорской археологической комиссии. СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1907. 464 с.
23. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
24. Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 71–78.
25. Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 351–371.
26. Трепавлов В.В. Улус // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4698343
27. Тычинских З.А. Об этнических контактах сибирских татар и казахов в период средневековья // Научное творчество Л.Н. Гумилева и история народов Евразии: современные подходы и перспективы. VIII Международный Евразийский научный форум, посвященный 20-летию независимости Республики Казахстан. Астана, 2011. С. 177–180.
28. Тычинских З.А. Взаимоотношения Сибирского и Казахского ханств в XV–XVI веках // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 539–561. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-539-561>
29. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Abuseitova M.Kh. The Kazakh Khanate in the second half of the 16th century. Alma-Ata: Nauka, 1986. 104 p. (In Russian)
2. Bustanov A.K. Sufi Shaykh Manuscripts: Turkestan tradition on the banks of the Irtysh river. *Ethnographic-archeological complexes: problems of culture and society*. 2009, vol. 11, Omsk: Nauka, pp. 195–229. (In Russian)
3. Validi Togan A. History of Bashkirs. Ufa: Kitap, 2010. 352 p. (In Russian)

4. Ivanich M. "Daftar-i Chingiz-name" as a source on the history of nomadic societies. *Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223-1556*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 314–328. (In Russian)
5. Ishakov D.M. An introduction to the history of the Siberian khanate. Essays. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. 196 p. (In Russian)
6. Ishtyaki: the Ural-Siberian border. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 215 p. (In Russian)
7. Katanov N.F. Legends of the Tobolsk Tatars about Kuchum and Ermak. *Yezhegodnik Tobolskogo gubernskogo muzeiya*. Iss.5. Tobolsk, 1896, pp. 1–13. (In Russian)
8. Kononov A.N. The genealogy of the Turkmens. Composition of Abu-l Gazi Khan of Khiva. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 192 p. (In Russian)
9. Kostyukov V.P. The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Kazan: Fan, 2010. 200 p. (In Russian)
10. Kuzembayuly A., Abil' E., Alibek T. Siberian Ulus and Kazakhs: problems of ethnic continuity and historical memory. Kostanay: Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, 2022. 256 p. (In Russian)
11. Maslyuzhenko D.N. Representatives of the Tabyn tribe in the system of Siberian statehood of the Shibanids. *Problems of ethnic history of the Turkic population of Western Siberia. Collection of scientific papers*. Astana: Master-Po, 2012, pp. 197–204. (In Russian)
12. Maslyuzhenko D.N. Kazakhs on the territory of the Middle Tributary in the 16th–19th centuries. *Bulletin of the Kurgan State University*. Iss. 9, no. 4 (31). The series "Humanities". 2013, pp. 71–74. (In Russian)
13. Maslyuzhenko D.N. Named lists of Abu'l-Khair's associates as a source for the study of the political history of Southwestern Siberia in the second quarter of the 15th century. *Siberian Collection*. Iss. 3, Kurgan: Kurgan State University Publ., 2015, pp. 44–60. (In Russian)
14. Maslyuzhenko D.N. The Islamization Process of the Population of the South of Western Siberia in the 13th –16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 131–158. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158> (In Russian)
15. Maslyuzhenko D.N. The “Siberian Tsardom” as a Concept in Russian Chronicles and Ambassadorial Documents of the second half of the sixteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394> (In Russian)
16. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*. No. 1 (24), 2014, pp. 115–123. (In Russian)
17. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Shibanids and Taybugids in 1563: significance in the history and historiography of the Siberian Khanate. *XIII Faizkhanov Readings. The legacy of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: Publishing House "Medina", 2017, pp. 457–468. (In Russian)
18. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The marriage policy of the rulers of the Tyumen and Siberian Khanate. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2017, no. 9. pp. 103–109. (In Russian)
19. Parunin A.V. The political history of the Tyumen Khanate in 1430-1508. Chelyabinsk: South Ural Public Foundation, 2023. 247 p. (In Russian)
20. Sabitov J. M. On the relationship between the Kazakh Khanate and the Siberian Shibanids. *History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western*

Siberia: Materials of the international conference. Kurgan : Kurgan State University Publ., 2011, pp. 68–70. (In Russian)

21. Samigulov G.H. The use of ethnonyms as names of groups of the Yasach population and related problems of studying the history of Yasach volosts: Trans-Urals of the 17th century. *Bulletin of the Tomsk State University. History.* 2016, no. 5 (43), pp. 138–141. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/29> (In Russian)

22. The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeographic Commission. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907. 462 p. (In Russian)

23. Trepavlov V.V. The History Of The Nogai Horde. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002., 752 p. (In Russian)

24. Trepavlov V.V. Taybuga. "The third ruler on the Mangytsky yurt ". *Turkic peoples of medieval Eurasia. Selected works.* Kazan: Foliant LLC, 2011, pp. 71–78. (In Russian)

25. Trepavlov V.V. The Shibans: A Failed Ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review.* 2019, vol. 7, no. 2, pp. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371> (In Russian)

26. Trepavlov V.V. Ulus. The Great Russian Encyclopedia. Access mode: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4698343 (In Russian)

27. Tychinskikh Z.A. About the ethnic contacts of Siberian Tatars and Kazakhs in the Middle Ages. Scientific creative work of L.N.Gumilev and the history of the peoples of Eurasia: modern approaches and prospects. VIII International Eurasian Scientific Forum dedicated to the 20th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan. Astana, 2011, pp. 177–180. (In Russian)

28. Tychinskikh, Z. A. Relations between Siberian and Kazakh Khanates in 15th–16th Centuries. *Nauchnyi dialog.* 2024, vol. 13, no. 2, pp. 539–561. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-539-561>. (In Russian)

29. Utemish-khadzhi. Kara tavarikh. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 1.07.2024

Принята к публикации / Accepted 5.08.2024